

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

ОТ СКАЗКИ ДО ВОЙНЫ

ЛИК И ЛИЧИНА

Он был в Афгане авианаводчиком
и значит, был рисковым иногда.
Так отчего ж мне видятся порочными
монашеская ряса и Звезда?

Я знал его отца: святого грешника,
начальника воздушных сил войны,
подбитого, упавшего, сгоревшего
дня через три, как были мы хмельны.

Ему уже по возрасту и званию
не разрешалось драться и летать —
взлетел, погиб, успев сынка в Афганию
из тыловой России отозвать.

Сын, повторюсь, стал авианаводчиком,
то есть ходил с войсками по горам,
подсказывая снизу вертолётчикам,
где и какой устроить тарарам.

И вот однажды после боя лютого
он заглянул в пещеру мертвецов:

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 году в семье офицера-фронтовика. Окончил Военно-инженерную академию имени Ф. Э. Дзержинского. Полковник в отставке. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве и тверской деревне Бирюльки.

не знаю, что тогда его попутало,
но подорвался он в конце концов.

Был госпиталь затем, и операции,
отпиленные ноги до колен...
Но на протезах на виду остаться он
сумел в года российских перемен.

Увы, сошёлся с наглыми умельцами
по переделу и по грабежу,
советником у президента Ельцина
он стал. А как — я лучше не скажу.

И как Звезду Геройскую устроил он —
нет, не отцу посмертно, а себе, —
об этом тоже умолчу. Героями
становятся порой не по судьбе.

Советничал, деньжонки заколачивал,
немало дел в торговле провернул,
но то ли конкуренты озадачили,
а то ли сам он слишком их надул,

но оказался вдруг в долгах, на счётчике,
и даже, говорят, заказан был.
И, чтоб смутились недруги-молодчики,
ушёл в монахи, Бога возлюбил.

Вчера его опять по телеящику
Показывали — ряса и Звезда,
и словеса: “Ищите и обрящете”.
И лик Отца, горящий от стыда.

ВЕДЬМА

Последнею ведьмой деревни
её называет народ.
И возраст как будто бы древний,
а пляшет себе и поёт.

Дурною и злою старухой
недаром зовётся она.
Но ведь музыкального слуха
и грации не лишена.

Полвека на ферме трудилась,
не видела светлого дня.
И надо же, сдуру влюбилась,
ну, ладно бы в чёрта, — в меня!

Деревня вконец ошалела,
от слухов распух магазин:
в России последнее дело
влюбиться без крайних причин.

“Старуха, навозница, ведьма,
в аду бы ей петь и плясать!”
Я здесь человек не последний,
меня надо срочно спасать.

Звонят и жалеют при встрече,
а то и ругнут матерком.
И крыть-то мне жителей нечем:
я с ведьмою вправду знаком.

Но стал замечать, что порою
пред нею меняюсь в лице
и страшно мне видеть, не скрою,
цветок от неё на крыльце.

ВОЛКИ

Не хочу забывать эти горькие дни
с их смертельно взрывчатой болью.
Даже волки бежали тогда из Чечни
к Бузулуку, на Дон, в Ставрополье.

Волки выли в горах, мы дошли до высот,
разгоня огнём всё живое
и не ведая, чем завершится поход
среди свинцового лая и воя.

Были волки худы, с рыжиной по бокам,
а враги были чернороды.
Мы служили тогда слишком разным богам,
но мы были единой породы.

Волки раньше людей отступили на Дон,
оглушённые грохотом боя,
где сражались чеченский и наш батальон,
побратавшись кровавой судьбою.

Брат, нас боги рассудят, им сверху видней,
как мы бьёмся до смертного пота.
Те, кто выжил, пускай до скончания дней
помнят, что не сдаётся пехота.

Чья пехота, не важно. Да пусть хоть ничья.
Наплевать нам на клички и толки.
Ведь не воду, а кровь пили, брат, из ручья
мы в горах, что покинули волки.

ДОМОВОЙ

Прилетели голуби в селенье,
сели на безлюдную избу,
из которой в крайнем изумленье
вылез Домовой через трубу.

Голуби глядят на Домового,
Домовой глядит на голубей:
он среди пернатого живого
этаких не помнит, хоть убей.

Всё вороны, галки да сороки,
а весною — шумные грачи
и скворцы, но те в другие сроки —
не при людях, про людей молчи.

Бросили, бескрылые уроды,
обжитые предками дома,
а ведь Домовому без народа
даже пятистенка, как тюрьма.

Вот и прилетели городские
птицы или души, не поймёшь.
Домовой кричит им: — Кто такие?
А в ответ то птичьи, то людские
голоса: — И ты не узнаёшь...

ЭПОХА

Нас не почитают, не читают,
не преподают, не издают.
Перед нами женщины не тают,
внуки наших песен не поют.

Старые поэты, ветераны
русского Парнаса и войны —
водку пьём, долечиваем раны,
смотрим прозаические сны.

Мы давно не нравимся эпохе,
чужды ей сраженья и стихи.
Говорит: — Делишки ваши плохи.
Отвечаем: — И твои плохи.

Как ты, дура, без литературы
будешь во Вселенной куковать?
Чем свои войнушки и амуры
в жизни будешь запечатлевать?

А с другой эпохой сразишься,
кто тебя, немую, защитит?
Бога ты, эпоха, не боишься,
Он ведь Слово, значит, Он пиит.

Но шумит эпоха в интернете,
чтоб своей не слышать тишины,
позабыв, что жизни нет на свете
без литературы и войны.